

ЭНИГМА

ЛАНА МЕЙЕР

Игра манипуляторов

Лана Мейер

Энигма

«Лана Мейер»

2018

Мейер Л.

Энигма / Л. Мейер — «Лана Мейер», 2018 — (Игра манипуляторов)

Я принадлежу к касте "низших", мы по закону являемся собственностью Элиты. Макколэй Карлайл — теперь мой владелец. Я никогда не хотела попасть в его сети шибари Мастера. Он не стал спрашивать о моих желаниях перед тем, как связать по рукам и ногам, и заставил испытать то, что невозможно объяснить словами. Испепеляющую нутро ярость, презрение, ненависть... покорность, эйфорию и зависимость. Карлайл называет меня Энигма, и я — сбой в его системе... пройдя по краю пропасти вместе, едва ли не испепелив друг друга дотла, мы разгадаем страшную древнюю тайну, которую оставил нам мой отец перед смертью. Содержит нецензурную брань.

© Мейер Л., 2018

© Лана Мейер, 2018

Содержание

Пролог	6
Макколэй	7
Глава 1	12
Кэндис	13
Глава 2	25
Макколэй	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

В оформлении обложки использована фотография автора [Photographer ME](#) «play in love games. BDSM. shibari ropes» с shutterstock.com

Пролог

– А как это – приручить?

– Это давно забытое понятие, – объяснил Лис. – Оно означает: создать узы. (с)

Маленький принц

2078 год. Нью-Йорк.

Ряд научных открытий и государственных реформ привели к тому, что границы между социальными слоями населения стали предельно четкими. Погрязнув в эре потребления и новых технологий, люди продолжают восхвалять Создателей научных чудес, и забывают, о том, что Творец живет в каждом из них.

Макколэй

– Сними платье, – я прохожу в комнату, погруженную в приятный для моего зрения полумрак, и лениво оглядываю свою сегодняшнюю «добычу» – одну из любительниц легких денег, и запретных удовольствий, к которым ее тело наверняка подготовили. К сожалению.

Необученную, но готовую принять мои условия девочку, найти не так просто, иначе я бы уже давно получил то, что мне необходимо. Ну а пока – эта уже третья попытка за месяц. И ни одна. Ни одна из этих безэмоциональных кукол, не заслужила оплаты, как и удовольствия, которое я дарю им в надежде на то, что взамен они отдадут мне нечто, что приведет меня к цели.

Рано или поздно. Я соберу целую коллекцию из ярких, непередаваемых, идеальных, вкусных эмоций, на которые только способен человек. Главное условие – они должны быть сильными, искренними и настоящими. Они должны цеплять, зажигать и вдохновлять меня.

Я медленно расстегиваю рубашку, внимательно разглядывая веревки черного, красного и бежевого цвета украшающие стены довольно просторной, но мрачной спальни, где нет ничего, кроме кожаного кресла, и девушки, что удобно устроилась в нем, закинув одну ногу на другую. Выполнять мой приказ она не торопится, как и получить незабываемое удовольствие, которое едва ли испытает с кем-либо другим.

Это не излишняя самоуверенность, лишь констатация факта. Я прекрасно чувствую каждую девочку, что попадает в мои виртуозно расставленные сети. Безошибочно считываю их самые сокровенные мысли и желания в момент связывания. Правда, «прочитать» мысли шлюхи, не так уж и сложно. Обычно, набор стандартный – стыдливая похоть, предвкушение оргазма, стремление угодить, и целый набор «пустых» пластиковых страхов. Их учат не бояться, защищать свою психику, представлять, что сексуальные и насильственные акты происходят не с ними. Я редко считываю с этих красавиц что-то необычное. Способное зацепить по-настоящему.

Но это и не нужно. Меня не нужно цеплять. Цепляю здесь я, в самом буквальном смысле этого слова.

Расстегиваю рубашку, снимаю ремень, часы, Носитель (*биобраслет*), и перстень-печатку, чтобы нам ничего не мешало. Девушка не спешит поднимать на меня свой взгляд и показывать свое миловидное лицо, которое я уже видел на фотографии. Я выбирал из тех, что не похожи на неё. Проблема только в том, что именно ее я хотел бы однажды увидеть в этом кресле, и я уверен: она бы меня не разочаровала. И дело не в том, что она особенная, а только в том, что только Энигма вызывала внутри меня особое состояние, которое напоминало мне о том, что я способен хоть на какие-то чувства. В основном, на раздражение, ненависть, презрение и ярость... но чувства.

– Сними платье и встань, – повторяю я, застывая в метре от девушки, позволяя себе поближе рассмотреть ее хрупкое и совершенное тело. Надо признать, все три предыдущие шлюшки были также хороши, как и эта.

Не отрывая пристального взгляда от представительницы древней профессии, наблюдаю за тем, как она перекидывает светлые волосы на одно плечо, встает с кресла и ловким движением смахивает с плеч тонкие бретельки платья. Ткань медленно скользит по ее формам, предварительно лаская кожу девушки, и падает к ногам – прямо туда, где уже лежит приготовленная заранее веревка, которая является главным атрибутом в моей игре. Медитации, как я это называю. В особом искусстве, где я являюсь Мастером и Создателем, а она – музой. Еще ни одну я не называл музой, но это не важно. Работаю с тем, что имею.

– Стой, – коротко бросаю я, лениво оглядывая ее полные груди почти идеальной, округлой формы. Кожа вокруг телесного цвета сосков девушки покрывается мурашками и розовеет,

и я замечаю, как она задерживает дыхание, чтобы не застонать еще до того, как я к ней прикоснусь.

Что очень зря. Ведь я пришел сюда за одним – украсть ее эмоции.

Но если я скажу, как она должна себя вести, каждое ее движение, слово или стон будут фальшивыми, искусственными, недостаточно сильными. К сожалению, я нуждаюсь в другом. В мощнейших волнах, вибрациях, и энергии, которую должно излучать ее тело, мозг, и испорченная душа.

Я не эзотерик. Всего лишь ученый поневоле.

– Ты красивая, – чуть мягче произношу я, чтобы она немного расслабилась. Я давно привык, что девушки на подсознательном уровне опасаются меня, начинают напрягаться и зажиматься, и это просто ударная доза яда для моего вдохновения. Даже самые развратные и похотливые, понимают, что их не ждет ничего хорошего, после того, как я оставлю их в одиночестве, наедине с заработанными купюрами, но заберу у них часть воли – каждая из них будет скучать по мне, и желать одного: когда-нибудь вновь стать моей музой.

Я не собираюсь ее насиловать... по крайней мере, не физически. Уверен, что шлюху предупредили о том, что я любитель особых вещей, но не сказали каких. Она наверняка ждет чего-то жуткого. Думает, что я больной садист, который с размаху ударит ее по щеке, поставит на колени, и поимеет во все возможные отверстия.

К сожалению, ни одна из них не вызывала во мне такое желание, целую бурю страстей, и животных инстинктов. Я бы хотел узнать каково это, но нет, я не способен. Я подхожу к процессу связывания, как художник, который надеется нарисовать лучшую картину в своей жизни. Как писатель, отчаянно жаждущий написать гениальное произведение, достойное стать классикой.

– Спас... – начинает она, но я обрываю ее глупую попытку поблагодарить меня.

– Молчи. Сядь и расставь ножки, – перехожу на требовательный тон. Я смертельно устал и хочу как можно скорее перейти к «главному блюду». Девушка послушно садится в кресло, и поджимает ноги к себе, поставив пятки на подлокотники. Оценивающим взглядом продолжаю изучать ее выпирающие ключицы, налитую грудь с острыми вершинками, узкую талию и плоский загорелый живот, который весьма эротично втягивается под ребра, когда она делает глубокий вдох.

Наконец, я опускаю взгляд к ее гладкой малышке, рассматриваю внутреннюю сторону бедер, на которых остались капли воды после душа. Ее тело совершенно. Эстетичная сторона вопроса занимает слишком большое место в процессе связывания. Я хочу получить максимальное удовольствие, когда буду созерцать ее плененное, беспомощное тело, находящееся в полной зависимости от меня. Беззащитное, не способное ни на одно, даже малейшее движение, без моего позволения и присмотра. Ошибка может стоить ей жизни, если бандаж, созданный мной, будет слишком тугим.

– Шире, – настаиваю я, и она послушно выполняет просьбу, раздвигая ноги на максимум. Скука.

Я почти уверен в том, что она ничем не отличается от предыдущих шлюх, но ради принципа доведу процесс до конца.

– Да, так, – хвалю я, ощущая, как кровь приливает к члену, делая меня твердым. Но еще недостаточно. Это лишь физиологическая реакция на созерцание обнаженного красивого тела, никак не связанная с истинным эмоциональным удовольствием от секса, которое я в последний раз испытывал... никогда?

Мне нужно установить с ней контакт, прежде чем я начну.

Шлюха вздрагивает, когда я подхожу к ней вплотную и, обхватив ее заостренный подбородок, приподнимаю голову. Заглядываю в серые глаза, на доли секунд позволяя себе слабость – представить на их месте другие, голубые. Я не видел их много лет, но до сих пор помню ее

пугливые, и надменные взгляды. Всегда разные. Она обладала удивительной способностью – менять маски, представая перед людьми такой, какой они хотели бы ее видеть.

Чаще всего она носила образ невинной девушки, но я прекрасно знал, что за ангельским взглядом скрывается расчётливая амазонка, каким-то образом получающая все, что ей нужно от моего отца.

Черт, я не должен думать о ней сейчас.

Во взгляде шлюхи вспыхивает любопытство, искры вожделения и толика страха. Мне нужно больше...

– Тебе рассказали о том, что тебя ждет? Ты еще можешь отказаться, – предупреждаю я, но в ответ девушка лишь отрицательно качает головой, опуская взгляд. И неудивительно. Ей слишком нужны деньги – наверняка на то, чтобы купить вакцину для кого-то из родственников, или для того, чтобы расплатиться с долгами, за которые ее или кого-то из ее семьи могут убить. У этих шлюх всегда тысяча, и одна отговорка, которыми они оправдывают свой выбор – торговать своим телом, и поверьте, не всегда им приходится обслуживать молодых и сексуальных клиентов.

Она наверняка сейчас радуется, что я не один из тех жирных и вонючих «кошельков», что заставляют ее сосать до потери пульса, а потом совершают пару слабых толчков в ее сухое и неподготовленное лоно.

К сожалению, я хуже.

Но ей все равно понравится. Понравится так, что она никогда не забудет того, что почувствовала в совершенной паутине, которую я умело сплелу вокруг ее тела.

Проталкиваю большой палец между полных губ, увлажненных слюной, и она с готовностью начинает умело его посасывать – так, будто это мой член. Это довольно приятно, и я даже чувствую, как легкая волна возбуждения простреливает позвоночник, и член упирается в шероховатую ткань джинсов, но мне слишком скучно. Если бы она укусила его, или начала бы сопротивляться, у меня бы появилась хоть какая-то надежда на то, что все пройдет не по сценарию, который я знаю уже «от и до».

– Я разве приказал тебе сосать его? – снисходительно бросаю я, вынимая палец из ее рта, и давя им на влажные губы. В глазах девушки вспыхивает голодный блеск, и она жадно оглядывает мое тело, останавливая затуманенный взор на грудных мышцах и прессе. И опять мне скучно, потому что это снова не то, что я хочу видеть. Черт... больше не буду тянуть. Задача и так уже почти провалена. Я просто чувствую это.

Она слабая и посредственная. Внутри. Такая, как все.

– Готова? – почти нежно спрашиваю я, прикасаясь к ее шее, предварительно достав из кармана джинсов небольшую круглую пластинку, размером с пуговицу – особый датчик собственного изобретения. Она не успевает ответить на мой вопрос, и судорожно выдыхает, когда я нащупываю на ее шее пульсирующую венку и надавливаю, соединяя ее пульс с биоприбором.

– Ай! Мне больно, – жалуется девушка, но я лишь усмехаюсь в ответ.

– Всего лишь неприятно. Скоро пройдет, – успокаиваю ее я, прекрасно зная, что «укус» датчика, не больше укуса пчелы.

– Что это... – девушка кидает на меня тревожный взгляд, но я не собираюсь ее слушать, приступая к тому, что я называю Медитацией или Сессией. Или игрой.

Первое правило шибари – игра не началась, пока руки свободны.

Соединяю ее запястья вместе и завязываю в узел «стремя» – безопасный и простой, но этого достаточно, чтобы ее дыхание стало более томным и глубоким. Она уже начинает погружаться в особое состояние, и чем больше веревок я применяю, тем сильнее девочка входит в транс – от давления веревок, деятельность мозга затормаживается, а в кровь выбрасывается доза эндорфина. Словно ядовитый паук, я сплетаю вокруг ее идеального тела целую паутину из веревок: сцепляю между собой лодыжки и бедра, полностью обездвиживая эту часть тела.

Потом уже обматываю талию, очерчивая веревкой ее полные грудки, не забывая приласкать маленькие соски, нуждающиеся в моем внимании.

Она должна полностью расслабиться в моих руках. Довериться и открыться.

Через пятнадцать минут, проведенных в особом эстетическом наслаждении, я любуюсь совершенным биндажом, в который заковал ее тело. Задерживаю взгляд на самой пикантной веревке – ту, что зажата между ее ножек, и задевает клитор при малейшем движении девушки. Я не стал трогать ее там, проверяя насколько она возбуждена – достаточно глубокого вдоха и я без труда определил степень ее желания, и отношение к происходящему.

– У тебя есть проблемы с оргазмом? Ты кончаешь с мужчинами? – равнодушно интересуюсь я, вскользь касаясь влажных и раскрытых для меня лепестков, между ее бедер, одновременно заставляя шлюху поднять на меня взгляд, затуманенный поволокой наслаждения. Она почти достигла необходимого состояния кайфа – именно сейчас, она наиболее зависима и уязвима, чувствительна к каждому моему прикосновению.

– Нет. Никогда, – выдыхает она, и тихо стонет, когда я проникаю в ее лоно двумя пальцами. Веревка уже сделала все за меня, но я все равно усыпляю ее бдительность и доставляю ей удовольствие, трахая пальцами, без особого интереса наблюдая как подрагивают обнаженные ноги, когда ее влажный жар начинает сжимать меня. Из груди девушки вырывается крик, и я вижу, как она пытается контролировать свое тело, и не двигаться слишком сильно, чтобы избежать излишнего давления веревок.

– Все когда-то случается в первый раз, – усмехаюсь я, притягивая ее к себе за ягодицы. Лишь мгновение любуюсь тем, что сотворил с девушкой. Она похожа на изящную лань, угодливую в мой капкан.

– Тебе понравилось, крошка? Хочешь мой член? – тихо спрашиваю я, прижимая ладонь к щеке девушки. В ответ она трется о мои пальцы, доверчиво прижимаясь ко мне.

– Да... очень хочу. Никогда не хотела ничего сильнее, – искренне мурлыкает шлюшка, вызывая у меня очередную легкую усмешку.

– Как сильно? – упираюсь головкой члена между ее бедер.

– Очень... пожалуйста, дай... – она судорожно сглатывает, откидывая голову назад. Она не может пошевелиться, не может взять меня сама и это сводит с ума грязную девочку. Ее слова не цепляют меня, не вызывают безумного желания обладать ею. Иногда я трачу время на секс с шлюхами, но сегодня я воспользуюсь только ртом.

– Насколько сильно ты его хочешь? – шепчу я, доставая из заднего кармана нож, и медленно приставляю его к пульсирующей венке на ее горле.

– До смерти... – шепчет шлюха, прикрывая глаза. Только когда я надавливаю лезвием на ее кожу, она понимает, что что-то не так. Распахивает веки, и начинает часто моргать, отчаянно хватая ртом воздух. Давай... сопротивляйся.

– Тогда я убью тебя прямо сейчас, грязная шлюха. Ты этого хочешь? Хочешь, чтобы это лезвие встало поперек твоего горла? – ледяная нежность в моем голосе способна убить эту глупышку раньше, чем пресловутый нож.

– Боже, что это? Это игра, да? – она закусывает губы, расплываясь в растерянной улыбке. Слабые тени страха мелькают в ее глазах, но она подавляет их усилием воли. Хочет понравиться, и получить больше? Это уже не важно.

Датчик издает слабый писк и загорается красным светом, по которому я понимаю, что мой эксперимент провален.

– Да, это игра, – ледяным тоном отрезаю я, и она вновь открывает рот, чтобы что-то сказать, но я затыкаю его своим членом, вставая сбоку от кресла. Несколько ритмичных и четких движений, вызывают во мне необходимую разрядку, и я кончаю в ее рот, глядя на то, как она жадно глотает сперму и свои слезы. Слезы от удовольствия, а не боли. Мне нужен был страх... эмоция страха.

– Ты куда... – уже с большей тревогой спрашивает безликая девушка, когда я прячу член в штаны и застегиваю ширинку. Ножом разрезаю свои безупречные узлы и отправляю его в чехол. – Что это было? Что это за датчик? Почему ты не стал меня...

– Молчи. Забудь обо мне, крошка. Ты не приблизила меня к цели, но я с удовольствием поиграл с твоим телом, – произношу я, имея в виду процесс связывания. Снимаю с девушки датчик, чтобы изучить хоть какие-то данные, и разворачиваюсь, не спеша застегивая пуговицы на рубашке, направляюсь к выходу.

Естественно, деньги за услугу, за красоту ее тела, уже переведены на ее счет.

Еще один довольно бесполезный вечер, если не считать того, что внешне она правда хороша, и картинка ее связанного тела, до сих пор стоит у меня перед глазами.

Но мне нужно больше, чем просто красивая картинка.

Больше, чем случайные или лживые эмоции.

Мне нужно что-то особенное, и я буду искать свои бриллианты, достойные огранки такого Мастера, как я.

Ведь это все ради одной цели, от которой я никогда не отступлю.

Глава 1

– Если бы у тебя было много времени на часах, чтобы ты сделал?
– Перестал бы следить. Я могу сказать одно, будь у меня время – я не тратил бы его впустую.(с)
Фильм «Время»

Кэндис

В первый раз в жизни лечу первым классом. Вероятно, первый и последний. Думаю, за всю историю своего существования авиакомпания «MacFly», где я работаю уже год, не знала более наглого сотрудника. Невероятное везение – в системе бронирования произошел технический сбой, благодаря которому сейчас я лечу в удобном широком кресле, раздвигающемся в кровать. Понятия не имею, как именно ошиблась сотрудница, зарегистрировавшая меня на рейс, но факт остается фактом – проверив электронный билет перед самым вылетом, я обнаружила, что номер моего места, соответствует первому классу, которым летают исключительно члены Элиты.

Конечно, я рисковала потерять работу, когда промолчала о подобной ошибке. Но, честно говоря, как только вошла в салон самолета и увидела огромное кожаное кресло кремового цвета, и другие удобства, обещающие мне самый комфортный перелет в моей жизни, решила воспользоваться шансом. Никто же не будет проверять, к какой касте я принадлежу, прямо во время перелета. Никто и не заметит, что я здесь, приняв меня за одну из небожительниц, которая может позволить себе потратить на перелет три тысячи долларов.

И совершенно неважно, что именно столько я зарабатываю за шесть месяцев.

Вообще, такие, как я, редко покидают пределы штата, а полеты за границу нам строго запрещены. И на это есть, как минимум две причины. Первая: я не принадлежу к высшим кастам, и являюсь Бесправной с рождения. Мои гены недостаточно хороши, для того, чтобы я могла вырваться из своего скромного жизненного сценария, прописанного властями для касты Бесправных. А именно: работа в сфере обслуживания, оплачиваемый отпуск семь дней в году, один выходной в неделю, медицинская страховка, которая не покрывает такие расходы, как ведение беременности и роды. Официально, мы, конечно, имеем право родить ребенка, и оставить на Земле этот бесценный след своего существования, но по факту, лишь одна Бесправная из тысячи решается на беременность, и, прежде чем пойти на этот серьезный шаг, годами откладывает деньги.

Просто. Чтобы. Забеременеть. Я уже не говорю о других вещах, которыми государство полностью ограничило свободу Бесправных, фактически сделав нас рабами, проживающими каждый свой день на благо Элиты.

Конечно, дело не только в отсутствии денег на настоящую жизнь, а не ее убогую копию, бесцельное существование. Дело в том, что каждая из нас до смерти боится... что малыш родится таким же «неправильным» по меркам имущих, и ребенок будет вынужден пополнить ряды рабов, обречен на бесконечный день сурка, и постоянное ограничение свободы.

Вряд ли бы Вы захотели подарить крошечному, полностью зависящему от вас существу скудную жизнь в местном гетто, где спеша с работы, можно случайно наткнуться на труп своего бывшего соседа – должников по налогам и бунтовщиков частенько устраняют, но об этом я даже думать не хочу. За последние пару месяцев, я несколько раз засыпала, забравшись под кровать, дрожа от холода и дикого ужаса, пытаюсь уснуть под аккомпанемент сигнальных серен и оглушающих выстрелов.

Все, о чем мы мечтаем – это настоящая свобода, а не ее иллюзия. Возможность самим писать главы своей жизни и выбирать, кто мы: работать на любимой работе, путешествовать, воплощать свои мечты в реальность, влюбляться, строить семью, и элементарно иметь свободное время, которое мы бы тратили не только на работу и сон. Год назад, мне несказанно повезло – меня пригласили на собеседование в одну из самых крупных авиакомпаний, и очень вовремя: денег на жилье и содержание мамы катастрофически не хватало, и из-за страха набрать кредитов и влезть в долги, я чуть было не пошла работать... ох, нет, конечно, я не собиралась заниматься проституцией. Сама идея устроиться танцовщицей в один из зланных клубов Ман-

хэттена доводила меня до жуткой паники и обгрызенных ногтей. Я прекрасно знала, к чему принуждают танцовщиц в таких местах – грязный и доступный секс до сих пор в цене, в отличие от того, чем зарабатывала себе на жизнь я.

У кабаре «Black Cat» редко бывали аншлаги, денег мне не хватало ни на еду, ни на одежду, но, по крайней мере, я занималась тем, что мне всегда нравилось – танцевала и пела, забывая о зрителях, которые все равно оценивали не мой танец, а красивое тело, одетое в провокационную комбинацию и корсет, подчеркивающий каждый изгиб фигуры. Конечно, мне не раз приходилось отбиваться от желающих порвать на мне концертный наряд, но таких я обычно игнорировала и скрывалась в гримерную, чтобы полностью запечатать свое тело в мужскую толстовку и спортивные штаны. Возможно, я и раньше могла бы найти себе более высокооплачиваемую работу, но танцы и музыка всегда были неотъемлемой частью меня.

Единственный способ... хотя бы на несколько минут почувствовать себя живой.

Забывать о прошлом.

Не думать о будущем.

Просто отдаться моменту, и ощутить, как все тело покалывает, растворяясь в бесконечном потоке вдохновения и полной импровизации духа...

Но денег мне все равно не хватало, а цены на процедуры и лекарства для мамы росли в геометрической прогрессии. Решение нашлось быстро: один хороший знакомый из «Black Cat» устроил мне собеседование в «MacFly» и вот уже год я работаю стюардессой. После двенадцати многочасовых рейсов в неделю, в свой законный выходной я обычно отсыпаюсь. Деньги, которые я могла бы тратить на развлечения в течение года, я откладываю на полноценный семидневный отпуск и на лекарства для мамы. Как бы там ни было, получается, что триста пятьдесят восемь дней в году я работаю, и лишь семь дней в неделю – живу. В то время как Высшие и Элита живут за наш счет.

Элита – высшая каста Америки, тот самый процент всего населения, который обладает девяносто девятью процентами всех денег.

Они – это власть.

Они – свобода.

Они – это жизнь.

Члены Элиты – это как правило, политические деятели, владельцы крупных производственных корпораций, и семейные кланы, располагающие наркокартелями и публичными домами – удивительно, но даже сейчас, когда погружение в виртуальную реальность, стало самым популярным развлечением, люди все равно нуждаются в наркотиках, алкоголе и беспорядочном сексе. В то время как спрос на «древние» развлечения, такие, как чтение книг, просмотр фильмов и походы в театр, прослушивание живой музыки, и многие другие – стремятся к нулю.

Руфус, мой опекун, рассказывал мне, что все начиналось с малого: сначала телефон стал фактически «частью руки» человека, а интернет – наиболее удобным и доступным развлечением. А закончилось все полной сменой системой управления, и четкими границами, проведенными, между Низшими, Средними и Высшими слоями населения. Хуже, чем родиться Низшей, может быть только одно – родиться Бесправной. Наши касты очень похожи между собой, за одним лишь исключением: Бесправные являются собственностью кого-либо из членов Элиты, в самом прямом смысле этого слова. Нас покупают и продают. Нас могут унижать, или относиться к нам с уважением. Нас могут освободить, или привязать к себе. Раздавить, словно безвольных тараканов, созданных для «грязной» работы, или отпустить на волю, подавив иллюзорную свободу.

Я родилась Бесправной. Но благодаря Руфусу – моему опекуну и новому хозяину моей матери, его любви и заботе, я выросла в Элитной семье. Но даже покровительство столь влия-

тельного человека, как Руфус, и «тепличные» условия новой жизни, не стерли горькие воспоминания о моем Бесправном детстве...

Не проходит и дня, когда я не слышу истошные крики своей сестры, от которых кровь в жилах превращается в лед. Даже сейчас, спустя десять лет с тех пор, как Руфус купил нас, подарив нам новую жизнь. Ей повезло меньше, чем мне... перед тем, как убить Эллисон, они изрядно исполосовали ее душу неизлечимыми шрамами, и полностью сломали волю Элли, в то время как я отделалась стандартной дрессировкой души и тела. Я мечтаю накопить денег на красивую татуировку, которая хотя бы частично скроет уродливые рубцы, покрывающие спину от затылка до поясицы.

А еще Руфус рассказывал, что рабство существовало во все времена, и всегда было неотъемлемой частью истории. И вопреки тому, что каждый год, астрологи все с большим энтузиазмом вещают, о том, что человечество вступает в новую эру – превращаясь в духовно развитую и энергетически сильную цивилизацию, общество продолжает жить по первобытным канонам, где свобода – является весьма условным понятием.

Личная свобода. Бесценный дар, данный каждому при рождении. У многих его крадут до их первого вдоха...

Бесправные и Низшие – современная форма рабства, несмотря на то, что наш труд оплачивают. Подобное разделение на касты и классы произошло после того, как группа ученых провела ряд исследований, и решила, что мы – люди, у которых активно развито только правое полушарие мозга, не приносим пользы научно-техническому прогрессу и обществу, в целом.

Нас бесполезно обучать точным наукам, потому что мы изначально рождены другими, по крайней мере, так это когда-то объяснили правительству ученые, и они установили новые законы и правила, официально разделив общество на касты. Мы мечтатели. Поэты. Художники. Музыканты. И если еще век назад общество нуждалось в искусстве и в подобных профессиях, то сейчас дела обстоят иначе. Люди больше не нуждаются в писателях – книги пишет программа, стоит лишь ввести желаемые параметры: все, начиная от жанра, заканчивая возрастом и характером главных героев. Не нуждается в фильмах – член высшей касты может просто надеть специальный шлем, который погрузит его в виртуальную реальность, где он испытает полный набор желанных ему эмоций. Театры тоже канули в лету – его посещают только участники Элиты, и то, ради того, чтобы собрать всю свою богемную тусовку в одном месте, и снисходительно посмеяться над тем, что еще несколько десятилетий назад было популярным развлечением.

И продолжать этот список можно до бесконечности, но факт остается фактом: низших невозможно обучить востребованной профессии. Вот, например, я – начала танцевать, как только встала на ноги, но числа, доказательства теорем, научные исследования и прочую ерунду, мой разум просто не воспринимает.

Если быть совсем краткой, мы считаемся людьми второго сорта. Нечто вроде колонии для тех, кто каждый день создает новые машины, делает научные открытия и исследует космос, а также для тех, кто всем этим управляет.

Большинство из «рабов» даже не осознают того, что их сердца бьются для удовлетворения прихотей тех, кто стоит выше по социальной лестнице и живут «с закрытыми глазами». Так бы жила и я, если бы не родилась заново, не выбралась бы напрямиком из ада, в котором провела первые десять лет своей жизни.

Не думаю, что когда-нибудь смогу вспоминать о прошлом без приступов удушья и сжатых, до побеления кулаков.

Я не знаю, каким чудом и почему Руфус сделал это, но он забрал меня и мою маму из чистилища, из проклятого места – где мы были безвольными игрушками, не имеющими права даже рот открыть без разрешения. Почему именно нас? Ответом на мои постоянные расспросы о причине такой оказанной нам, убогим Бесправным, чести, всегда был:

«Есть человек, которому я очень обязан, Кэндис. Был когда-то. И это твой отец. Я расскажу тебе все, когда придет время. Я просто сделал то, что сделал бы и он – вернул долг. Кто же знал, что я попаду в плен вашего с мамой очарования, моя девочка? Ты сама стала мне, как дочь. И я подарю тебе такую жизнь, о которой ты и не мечтала. Но сейчас, я хочу, чтобы ты развивала свой талант и много трудилась, Кэндис. Возможно... именно он делает тебя особенной. С каждым днем, в мире становится все меньше одаренных людей, способных творить, способных пробуждать в других эмоции и заряжать людей своим внутренним светом. Способных вдохновлять... знаешь, какой самый страшный и смертный грех, моя милая? Хоронить свой талант, подаренный Богом. Бездействовать, отказываясь от его подарка...»

Так я стала Кэндис Карлайл. Быть Карлайл, это почти то же самое, что быть дочерью Премьер-Министра или одного из пяти членов Парламента. Мой опекун не был Премьером, но он был одним из самых выдающихся ученых двадцать первого века. Руфус относился ко мне, как к родной дочери. И он хотел одного – чтобы я забыла о своем истинном происхождении, чтобы у меня было все, о чем я мечтаю: прекрасная жизнь, лучшие роли в театре для Элиты, крепкая семья, которую я создам с представителем высшей касты.

Первые два года новой жизни, я целиком и полностью посвятила танцам и вокалу. Постоянная работа над собой была единственной возможностью забыть и хоть чем-нибудь заменить страшные картинки Бесправного прошлого. Перестать просыпаться в холодном поту, покрывающим каждую клеточку тела. Мне казалось, я справилась, и на какое-то время даже перестала верить, что эти ужасающие воспоминания принадлежат мне. Что не скажешь о моей маме.

Эва не смогла самостоятельно залатать раны, что годами выжигались на ее сломленной душе. Они разрастались внутри нее, подобно неизлечимой болезни, день за днем поражая все новые и новые участки ее души и тела, пока не достигли памяти, разума и сердца. К тому времени, когда мне исполнилось пятнадцать – мама все реже стала узнавать меня. Несколько попыток самоубийства, бессонница, эпилептические припадки – все это превращало мою любимую и прежде красивую мамочку в полую куклу, давно лишенную жизни. Руфус объяснил мне, что когда-то очень давно, мама пережила сильнейший стресс (*еще бы*), после которого процесс разрушения ее личности стал необратимым. Хотя... я все еще надеюсь на то, что ученые разгадают все загадки человеческого мозга, и вернут моей маме память и здравомыслие. Ну а пока, все, что мне остается – это проводить свой единственный и законный выходной в неделю, рядом с мамой. Бывают дни, когда она узнает меня, или вспоминает на несколько трепетных и полных любви минут, когда я могу крепко обнять и почувствовать в ответ тепло матери... но в основном, мама пребывает в статичном состоянии, и зачастую просто смотрит в одну точку, как бы отчаянно я ее не звала, как бы тепло ее не называла...

Все доходы с официальной работы и подработки, я трачу на ее содержание и лечение в психиатрической клинике, расположенной в Квинсе – в том самом районе, где живу я, и большинство «второсортных» людей.

Руфус хотел положить маму в Элитный Госпиталь и запустить целый экспериментальный проект по полному излечению деменции... но не успел. Люди научились побеждать девяносто девять процентов болезней, но мозг и сердце до сих пор остаются самыми непредсказуемыми «винтиками» в нашем идеальном биомеханизме.

Ровно пять лет назад, я перестала быть Карлайл. Жизнь, подаренная Руфусом оборвалась, почти также, как и его собственная – мой опекун впал в тяжелую кому, после перенесенного им инфаркта. А человек, в кулаке которого оказалась вся моя жизнь, выкинул меня на улицу. Словно все эти годы нас с мамой просто не существовало.

Макколэй Карлайл. Родной сын моего опекуна. Мой сводный брат и лучший друг человека... которого я любила.

Я и не ждала другого отношения. Мак всегда едва заметно кривил губы и морщил нос, когда я проходила мимо, либо вовсе меня не замечал. Искренний взгляд Мака, полный пре-

зрения, пренебрежения и ненависти, был в какой-то мере гребаным даром – в такие секунды, я хотя бы понимала, что он меня видит, и вообще, знает, кто я такая. Идентифицирует, как личность.

Конечно, у Мака определенно были причины меня ненавидеть. Я не ждала от него доброты и понимания, после того, что сама натворила, сунув свой любопытный нос не в свое дело, и взрастила зерно вражды между нами до исполинских размеров.

И если быть до конца откровенной, поступи он иначе, я бы все равно не смогла жить под одной крышей... *с убийцей.*

От одного только его имени кожа покрывается вереницей мурашек, и я кутаюсь в теплый плед, утешая себя нелепой надеждой, что плотный кусок ткани может защитить меня от Карлайла младшего. Хотя это так глупо. С чего я взяла, что он вообще обо мне помнит? Он всегда желал смерти мне и моей матери. И вряд ли следит за моей жизнью, да и вообще – помнит о моем существовании.

Черт, у меня уже голова гудит от всех этих воспоминаний и мыслей. Перелеты просто созданы для подобной медитации – проанализировать свою жизнь, заглянуть в суть самой себя, разглядывая кучерявые облака, снежным полотном застилающие вид на землю.

Поправляю солнцезащитные очки на переносице и опускаю взгляд на свой стакан с чистой водой из Норвегии, триста миллилитров которой стоит больше, чем запас моих продуктов на неделю, и замечаю, как мелко дрожат пальцы.

В последнее время мне снова начали сниться кошмары. Нехорошее предчувствие, от которого желудок сворачивается в тугой ком, не покидает меня ни на секунду. Я надеялась, что жалкое подобие отпуска поможет мне восстановиться после нескольких лет непрерывной беготни с работы на работу, но ничего не вышло.

Каждый день я просыпаюсь от щемящего в груди чувства, которое сравнимо только с хождением по краю ямы, под названием «прошлое». И почему-то я не сомневаюсь в том, что очень скоро свалюсь туда, и это не будет свободным полетом. Это будет падением.

Делаю глубокий вдох, и перевожу взгляд на облака, медленно розовеющие под воздействием лучей заходящего солнца. Линия горизонта превратилась в бесконечную нить, сплетенную из всех оттенков розового и фиолетового. Даже спустя год регулярных полетов, дух захватывает от такой красоты. Моя личная иллюзия свободы... иллюзия жизни. Иллюзия того, что я «над», а не «под» сводом Элиты и системы, о которой, к несчастью, знаю больше, чем другие, из моей касты.

Они не знают лучшей жизни, и поэтому многие довольствуются тем, что имеют. А те, что все еще способны мечтать и к чему-то стремиться, быстро опускают руки, когда наступает момент раздачи долгов и уплаты огромных налогов. Иначе... очередное зачеркнутое имя в списке должников. Некоторые живут в собственных домах и даже заводят детей, набирая кредиты в нескольких банках, добровольно заковывая себя в еще более тугие цепи.

Жутко. Страшно. Но изменить мы ничего не можем.

Через три дня заканчивается мой отпуск, который я провела во Флориде, в небольшом городке для убогих каст. Я снова отправлюсь в полет. Да только лететь я буду уже не первым классом, а обслуживать пассажиров Элиты и Высшей касты, и бесконечно улыбаться, пока скулы не заболят, и кожа не высохнет из-за низкой влажности воздуха. А после рейса бежать в «Black Cat» и танцевать либо для опустевших столиков, либо для пьяных в хлам Низших.

Из бесконечного потока не радужных мыслей меня вырывает звук недовольного мужского рычания и испуганный вздох стюардессы – судя по тому, что на белоснежной рубашке моего соседа расплывается грязно коричневое пятно, девушка пролила на него горячий кофе. Непростительная оплошность для сотрудницы. Бедняжка на два месяца застрянет в долгах и ей придется брать дополнительные рабочие часы.

Мой взгляд поднимается выше, и замирает на искажённом от злобы и презрения лице молодого человека. Его брови медленно сдвигаются к переносице, прежде чем из его уст вырывается несколько отборных ругательств.

Ох, ну и начнется сейчас. Еще один избалованный сукин сын.

– Ты криворукая что ли? – яростно выплевывает он сквозь зубы, смерив напуганную до смерти девушку колким взглядом. Миловидная блондинка мгновенно бледнеет, растерянно окидывая взглядом масштаб всего бедствия. – Это рубашка от Balmain, – сообщает зануда, и добавляет уже тише, но я все равно все прекрасно слышу: – Эти пустоголовые даже с простой работой не могут справиться.

Теперь вы понимаете, о чем я? Я сказала, что мы считаемся людьми «второго сорта», но на деле, для представителей Элиты мы отребье, мусор, клоака. Плебеи, недостойные милости господ или хотя бы человеческого отношения к себе.

– Простите, сэр. Я не хотела, я... мне очень жаль, – пытаюсь улыбаться и скрыть дрожь в голосе, лепечет провинившаяся стюардесса.

– Жаль ей. У меня деловая встреча, через тридцать минут после посадки, черт возьми! Мало того, что рейс задержали, – продолжает сотрясать воздух мужчина, бросив беглый взгляд на наручные часы, инкрустированные черными бриллиантами. (Конечно, часы для члена Элиты показатель статуса, а не способ следить за временем) – Еще и это. Я попрошу ассистента написать жалобу, и Вас уволят к чертовой матери.

Фу, противный какой. Слушать тошно этого морального уроды.

Пораженная до глубины души его свинским поведением, я решила воспользоваться тем, что избалованный мачо понятия не имеет о моем истинном положении, и незамедлительно вмешалась:

– А Вы, наверняка, очень собой гордитесь, – раздвигаю губы в самой сладкой из своих улыбок, которым обучали на курсах стюардесс, перед первыми полетами, и поворачиваюсь к молодому человеку, обращая все его внимание на себя. Кристально голубые глаза сканируют меня с плохо скрываемым недоумением и любопытством. – Унизили беззащитную девушку, что очень похвально, – медленно проговариваю я, строя из себя чуть ли не светскую леди, возмущенную несоблюдением правил этикета. Брови Незнакомца стремительно приподнимаются, когда он расплывется в улыбке, оглядывая меня уже с неподдельным интересом.

Еще бы. Уверена, никто в жизни не делал ему замечаний. Он быстрым жестом проводит ладонью по коротким, светлым волосам, и слегка приподнимает подбородок, как бы бросая мне вызов «ну давай, что еще скажешь, красавица?».

А он хорош, но, разумеется, это все лишь обертка с гнилым содержанием. Как и все представители Элиты. Ухоженные, чистые, идеальные. Ни единой складки на костюме, что говорит о том, что он бизнесмен, и перфекционист – родители наверняка требовали с него быть «достойным» его положения. Отсюда и такая истерика по поводу маленького коричневого пятна на рубашке.

Да, общество давно не читает книжки, как я уже и сказала. Но у Руфуса была целая библиотека, и именно там меня заперал мой ненормальный братец, когда его друзья приходили в гости. Я ненавидела Мака за то, что не понимала, почему он так ко мне относится. И, наверное, не понимаю до сих пор... к счастью, часы, проведенные в библиотеке, не прошли даром: я изучила несколько книг по психологии и прочитала десятки приключенческих романов.

– Кстати, Ваша проблема мирового масштаба решается ровно за одну минуту, – продолжаю я, пока он не находит ответа. Даже странно, что Элит еще не послал меня к черту – если бы он только знал, что я «второсортная», он даже не стал бы меня слушать. Приподнимаю взгляд, обращаясь к едва не плачущей Энн (как указано на ее бейдже). – Энни, милая. Мой брат недавно попал в похожую ситуацию на борту. Насколько я помню, проблема решилась с помощью мгновенного растворителя пятен. Он же у вас есть? – естественно никакой такой

ситуации не было. Я, как стюардесса, прекрасно знаю, что в самолете есть средство, за минуту растворяющее самые трудно выводимые пятна. И моя коллега, с которой я, слава Богу, не знакома, должна об этом знать. Очевидно, девушка растерялась, когда этот сукин сын на нее накричал или не успела предложить ему быстро решить его великую «проблему».

– Да, конечно, – Энн выдыхает с облегчением, возводя глаза к небу. – Как я могла забыть. Я решу Вашу проблему. Всего пара минут, сэр. Прошу Вас извинить меня за доставленный дискомфорт и испорченное настроение.

– Вы ни в чем не виноваты, Энн, – киваю девушке, и перевожу испепеляющий взгляд на невежливого морального урода. – Это сэру должно быть стыдно, за то, что он забыл о хороших манерах.

Приподнимаю бровь, встречая восхищенный взгляд незнакомца. Классно я его сделала. Однако такой трюк сработал исключительно потому, что он считает, что мы с ним «одной крови».

Я уже собираюсь отвести от самовлюбленного красавчика взгляд, и надеть на себя очки, которые позволят мне окунуться в виртуальную реальность и скоротать время полета, как слышу его выразительный кашель и мягкий тон голоса:

– Признаюсь, Вы поставили меня в неловкое положение, – вздрагиваю все телом, когда ощущаю, как мужчина касается кончиков моих пальцев, устроившихся на подлокотнике. Одергиваю руку, вскидывая на него осуждающий взгляд. – Простите, что Вам пришлось это услышать. Я... просто неделя жутко нервная. Сорвалось две встречи, несколько контрактов, еще и личному самолету не дали взлететь. Я на всех срываюсь. Но понял об этом только сейчас. Еще никому не удавалось пристыдить меня одним взглядом.

– Что ж, неприятности на работе – веская причина унизить слабую девушку, – холодно отрезаю я, сцепляя руки в замок.

– Но она Низшая, – выпаливает Незнакомец, и чувствую, как в моем сердце вновь вспыхивает огонь неприязни по отношению к молодому человеку. – Я к тому, что это ее работа. Вы так не считаете? Такие, как мы, платим им деньги, чтобы они могли жить достойно.

Или все-таки мы платим налоги, чтобы вы жили, как Боги?

Конечно, я так не считаю, ублюдок. Такие как вы, живут в роскоши, потому что такие, как мы, работают без перерыва.

– Я считаю, что мужчина в любой ситуации должен оставаться мужчиной, – с издевкой парирую я, вновь бросая на него опаляющий взгляд исподлобья. Его полные губы сжимаются до тонкой линии, и я замечаю, что он не сводит глаз с моего рта. Может, не стоило красить их красной помадой? Я чувствую, как кровь приливает к щекам, как только понимаю, что взор надменного спускается чуть ниже – обычно от «сальных взглядов» мне бежать хочется, но сейчас... мне почему-то льстит его внимание и откровенная заинтересованность моей личностью с толикой плохо скрываемого восхищения.

Черт... почему лицо Элита кажется мне таким знакомым?

Ученый? Космонавт? Политик? Или... нет, я не верю в такие совпадения. Это не он, нет, нет, нет. Так не бывает. Боже, сделай так, чтобы это был не он.

Да, мне точно показалось.

– Мы знакомы? – словно читая мои мысли, с придыханием выпаливает он, едва заметным движением поправляя галстук.

– К счастью, нет, – продолжаю издеваться над нарциссом.

– Я упустил свой шанс на знакомство с такой красивой девушкой? – низким и чувственным голосом поизносит он.

Нервно сглатываю, вспоминая, к чему меня готовили с самого детства. Если бы не Эллисон, которая всегда брала «удар» на себя, я бы была уже мертва, либо обслуживала бы по тридцать потных и сальных мужиков в день. Я никогда не забуду, как они заставили меня смотреть,

как они делают это с Элисон. Они сказали, что убьют ее, если я закрою глаза, хоть на мгновение. Меня спасала только пелена слез, застилающая мне вид на то, как они избивают ее и пользуются ее невинным телом... слишком много крови. Грязи и слез. Для них мы были не более чем кусками мяса и плоти, которую можно обглодать до косточек и выкинуть после.

подавив жесткий ком, вставший поперек горла, отогнала ужасающие воспоминания о десяти годах своего Бесправия.

Черт, если бы он знал, кто я... он никогда бы не заговорил со мной, и уж точно, не ответил бы комплимент в мою сторону, даже если бы и посчитал красивой. Мужчины из Элиты не встречаются с девушками низших рангов. Это позор для их династических семей – грязное пятно на репутации, от которого не избавиться при помощи «мгновенного растворителя пятен».

– Даже не знаю. А что Вы можете мне предложить? – продолжаю играть свою роль я, искренне посмеиваясь над ним про себя.

– Себя. Я думаю... тебе понравится, – он расплывается в широкой улыбке, демонстрируя мне очаровательные ямочки на щеках. Черт возьми, этот моральный урод не имеет право обладать такими ямочками. Это не законно.

– О Боже. Обычно все покупаются на это? Более дешевого приема и затасканной фразы отыскать трудно, – снова беспощадно бью по его самооценке я, но вижу, что моему сопернику подобная игра доставляет особое удовольствие.

– Девушки редко ставят меня на место, ты права. Наверное... ты первая, кто осмелился. Я впечатлен. Может быть, оставишь свой номер? Встретимся как-нибудь и... – мне кажется или он наклоняется чуть ближе ко мне, нарушая мою зону комфорта?

– Если попросишь прощения у девушки, встречусь, – слегка отдаляюсь я, непроизвольно закусывая нижнюю губу, и вновь отслеживаю взгляд, прикованный к области моего рта.

– Что? Ты серьезно? Она пролила на меня долбаный кофе.

– Но ты был груб. И это мое условие, – продолжаю с улыбкой отвечать ему я, пока самодовольный нарцисс багровеет от злости.

– Черт, хорошо, – прищутив веки, отвечает он, и в этот момент, к нам как раз подходит Энн с небольшим баллончиком в руках. С позволения самодовольного павлина, она обрабатывает коричневое пятно едва видимым паром, пару раз нажав на кнопку пульверизатора, и мы без интереса наблюдаем за тем, как пятно исчезает с рубашки.

– Сэр, еще раз прос... – жалобным тоном начинает несчастная Энни, но парень тут же перебивает ее:

– Это я приношу Вам свои извинения. Я был не прав. Я напишу другу. Он владелец Вашей авиакомпании, и Вы обязательно получите премию за вашу стрессоустойчивость. Мои искренние извинения, – я с удовлетворением наблюдаю, за тем, как Энн расплывается в растерянной улыбке. Должна признать, извинения незнакомца звучат хорошо. Правда. Как несостоявшаяся звезда сцены, я ему верю – к тому же, всем известно, что у представителей Элиты плохо с имитацией эмоций. – И ваши чаевые, – Элит прикасается металлическим браслетом, который носит каждый житель нашей страны к браслету девушки, и на нем автоматически загораются три индикатора зеленого цвета, после того, как он вводит сумму на возникшем в воздухе голографическом дисплее, которую спишут с его счета.

Энн очевидно не ожидала подобного поворота событий, и, подарив мне обескураженный взгляд, поспешила в комнату для бортпроводников. От шока, она его даже поблагодарить забыла. И я бы на ее месте забылась, учитывая какую сумму он ей перевел...

– А теперь, я жду Ваш номер, – требовательно напоминает он, когда самолет приступает к снижению, а пилот сообщает, что через двадцать минут мы приземлимся в аэропорту имени Джона Кеннеди.

– Моему молодому человеку это не понравится, – быстро убегаю от ответственности за свое обещание я, не собираясь обмениваться с Элитом контактами. Это почти незаконно. Он все равно узнает, кто я... и как только он поймет, к какой касте принадлежу, я стану в его глазах не ценнее пылинки на его идеально завязанном галстуке.

– Молодому человеку? Кто бы он ни был, он мне не помеха. На этот раз я не упущу тебя, Кэндис, – последнее предложение, подобно парализующему заклинанию, вводит меня в оцепенение. Отчаянно пытаюсь пошевелить хотя бы кончиками пальцев, чтобы убедиться в том, что все еще способна двигаться.

Черт, это все-таки он.

Таких случайностей просто не бывает в природе. Джеймс Грейсон – тот самый парень, фотку которого я распечатала на одном из старых приборов в библиотеке и вклеила в свой личный дневник. На почетное место, на первую страничку. Тот самый парень, который бывает в жизни каждой девушки, в возрасте от тринадцати до пятнадцати лет. Парень, которого я мысленно окрестила «принцем», и хотела, чтобы он обратил на меня внимание, как только я немного вырасту. И он обратил... вот только не стал искать меня, когда Мак выкинул меня на улицу и я исчезла из его жизни.

Влюбиться в лучшего друга своего сводного брата... банальнее может быть только влюбленность в этого самого брата, но страх, который я испытывала по отношению к Карлайлу, никогда не позволил бы мне испытать к нему теплые чувства. Они дружили много поколений – Карлайлы, Грейсоны и еще несколько самых богатых и влиятельных семей Элиты.

Я поправляю темные очки на переносице, которые надела для того, чтобы меня случайно не узнал кто-нибудь из бортпроводников. К сожалению, скрываться мне стоило не от них... нужно было надеть на себя увлажняющую тканевую маску, и помалкивать весь полет. Но нет, мне приспичило обратить на себя внимание человека из прошлого, с которым, я думала, никогда больше не увижусь.

– Вы меня с кем-то перепутали... – покусывая изнутри щеку, по слогам произношу я, стараясь не смотреть Джеку в глаза, даже сквозь темные линзы очков.

И зачем я все это затеяла? Сидела бы молчала, чтобы не вляпаться в еще одну неприятную ситуацию. Я, черт подери, теперь точно такая же стюардесса, как Энн, на которую он смотрит, как на мешок с мусором. И я нисколько не утрирую, поверьте – мужчины из Элиты тщательно заботятся о своей репутации, и их невозможно уличить даже во флирте с Низшими. Это, конечно, не касается специальных закрытых клубов, где «жрицами любви» работают представительницы рабских каст.

– Сними очки.

– Не собираюсь.

– Кэн, ну хватит. Я понимаю, что ты обижена на то, что я не пытался связаться с тобой, когда ты уехала в Европу...

– В Европу? – резко снимая очки, вскидываю на него прямой и открытый взгляд. Мне даже дышать становится трудно, и вовсе не от недостатка кислорода в самолете.

Так значит, последние пять лет я в Европе развлекалась, а не выживала в трущобах за пределами центра. Отлично. Как много нового я о себе узнаю.

– Разве нет? Мак сказал, что Руфус отправил тебя в Европу незадолго до того, как... – его густые брови сдвигаются к переносице, взгляд становится колким и напряженным.

– Да, так все и было, – быстро перебиваю я, раздвигая губы в сладкой улыбке. – Какие обиды, Джек? Мы были едва знакомы и...

– Но довольно близко знакомы, – от теплого взгляда его притягательных голубых глаз «щекочет» в районе солнечного сплетения. Почти также, как раньше. И только сейчас, я прекрасно понимаю, почему не узнала Джека с самых первых секунд: он повзрослел, возмужал, стал настоящим мужчиной. Даже овал лица стал более квадратным, очерченным, волевым. Я

уже не говорю о пятнадцати набранных килограммов мышечной массы. Джек Грейсон – завидный холостяк, за сердце которого любая девушка, к какой бы касте она не принадлежала, продаст душу Дьяволу.

– Джек... – он медленно обхватывает мою ладонь, проводя большим пальцем по тыльной стороне моей ладони. Я просто смотрю в его глаза, и перед внутренним взором вспыхивает весьма яркое и красноречивое воспоминание. Ни одна девушка не способна забыть своего первого мужчину. Тем более, когда он был у нее единственный. – Все эти пять лет, тебя не волновало, насколько близко мы были знакомы.

– Неужели ты думаешь, что наша встреча случайна? Каковы были шансы, Кэн? Я знаю, ты считаешь меня подонком, но все было не так. Черт. Я не собираюсь оправдываться, – рокоочущим голосом произносит он, слегка наклоняясь к моему уху. Напряжение между нами нарастает так быстро, что кажется, что из самолета выходит весь воздух. Руки и ноги бросает в холод, и я уже не уверена, что это от перепадов давления. – У нас свидание. Завтра.

– У меня есть парень, – вспыхиваю я, намереваясь одернуть руку, но не могу... у него приятные, теплые, по-мужски грубые ладони. Боже, он все узнает, он все узнает... не хватало мне влюбиться в того, кто поставит на мне крест, как только узнает, о моем истинном месте. А где место Бесправных? На дне.

К моему счастью, пилот сообщает о том, что самолет приступил к снижению, и объявил, что совсем скоро мы приземлимся в аэропорту Джона Кеннеди.

– Парень не узнает о нашей дружеской встрече. Расскажешь, чем занималась последние пять лет, как тебе жизнь в Европе...

Ах, как я могла забыть, что была в Европе. Вернулась прямиком с курорта под названием «ад». И все-таки, наконец, я нашла ответ на вопрос, почему нас с мамой никто и никогда не искал...

Черт, я просто в полном дерьме. Кажется, мое падение в прошлую жизнь, уже началось. Но правда в том, что без опеки Руфуса, что сейчас находится примерно в том же состоянии, что и моя мать, я – никто.

Собираюсь ответить Джеку, но снова осекаюсь, как только ощущаю вибрацию его браслета, свидетельствующую о звонке с континента.

– Черт, прости. Бизнес не умеет ждать, – он слегка поджимает губы, и нажимает кнопку, принимая вызов. Его взгляд устремлен в одну точку перед собой, а губы начинают двигаться, не издавая при этом не звука – такие, как Джек разговаривают по голографосвязи в режиме конфиденциальности. В эту самую секунду Джек видит перед собой незримую для посторонних голограмму, передающую изображение собеседника, и произносит слова, которые может услышать только он.

Грейсон разговаривает до конца полета, и я лишь периодически бросаю на него взгляд, пытаюсь считать эмоции по лицу Джека. Агрессия. Раздражение. Судя по всему, новости не очень приятные.

В конце концов, я отворачиваюсь, пытаюсь унять бешенный сердечный ритм, норовящий пробить грудную клетку. До сих пор не верю в то, что это произошло. Какое нелепое совпадение...

Когда мы приземляемся, Джек все еще разговаривает, и я наспех улыбнувшись ему и небрежно махнув рукой, двигаюсь к выходу из самолета. Я иду слишком быстро, почти бегу по тоннелю, в конце которого написано: «Добро пожаловать в Нью-Йорк», и совсем забываю о том, что забыла свой чемодан в ручной клади.

– Ну и далеко ты собралась? – оборачиваюсь, услышав позади себя голос Джека. Вежливо киваю и благодарю его телохранителя, протягивающего мне мой крохотный красный чемоданчик.

– Джек, была рада тебя видеть, правда, – облизываю пересохшие губы, вновь теряясь под его теплым взглядом. – Но...

– Но завтра ты увидишь меня снова. Я пришлю машину в семь, хорошо? Ты живешь в особняке Карлайлов?

Боже, как это все не вовремя. Неправильно.

Это сродни концу света.

Личный апокалипсис.

– Нет-нет, – слишком быстро качаю головой я, прекрасно понимая, чем может все это кончиться. – Мак не знает о том, что я вернулась. И я не хочу, чтобы знал... долгая история. Не выдавай меня. Не хочу с ним общаться, – веду плечом, возводя глаза к потолку.

Что же мне делать? Ну кому станет хуже всего от одной встречи? Моя жизнь – сплошной день сурка, состоящий из работы, походов в больницу, и редких сомнительных «вылазок». Одно свидание, всего лишь три часа в компании мужчины, в которого была влюблена, кому тайно посвящала наивные стихи и первые песни. Если я не пойду, он расскажет Маку, что видел меня – неизвестно еще, чем это может закончиться. А так, я спокойно объясню ему, что мне приятно было провести с ним время, но не более того. И он никогда не узнает правду.

Да. Так и сделаю.

– С нетерпением ее послушаю. Так куда подъехать?

– Пересечение пятой и двадцать третьей. Я живу в «Космосе», – что, конечно, ложь. Я просто назвала адрес дома, который находится в одном из самых богатых районов Нью-Йорка. Дура.

– Отлично, Кэндис. С нетерпением жду встречи, – я и подумать не успеваю, как Джек притягивает меня к себе. Плотно, так близко. Так, чтобы ощутила даже через ткань его напряженный пресс, твердую руку, слегка сжавшую талию. Я просто теряюсь, как будто снова становлюсь той пятнадцатилетней девчонкой, неумело приоткрывающей губы для своего первого поцелуя. Звук сердца отдается в ушах и щемящей болью в груди, как только мягкие губы Джека касаются моих – едва заметное, нежное касание губ, от которых немеет небо и кончик языка... пальцы на руках и ногах.

Слегка отталкиваю Грейсона, несмотря на то, что хочется сделать совсем обратное. Изголодалась ли я по отношениям? Совсем нет. Я изголодалась по вниманию, по той жизни, где была счастлива. Где не приходилось принимать сложные решения, тянуть все на себе. Я скучаю по эмоциям, без которых моя душа выгорает, и превращается в обуглившееся бесчувственное дерево, существующее только ради того, чтобы поддерживать огонь жизни других, более «ценных» людей. Вот и все.

Джек недовольно выдыхает около моих губ, как только я слышу очередной звук, сигнализирующий о том, что с ним снова хотят выйти на связь.

– Опаздываю, детка. Завтра, в семь.

– Не думай, что буду считать минуты до нашей встречи, – нервно хихикнув, отвечаю я. Мистер Грейсон подмигивает мне, и отпускает, и чтобы не мучить нас обоих, я резко разворачиваюсь и скрываюсь в спешащей на свои рейсы толпе людей, ругая себя за то, что вообще согласилась на это свидание. За то, что позволила себя поцеловать... какого черта? Ему что, не хватает его лощеных девиц из высшего общества? Экстрима захотелось? Он что, не заметил мой убогий маникюр за пять долларов?

И зачем я согласилась? На секунду поддалась слабости? Продолжая внутреннее самобичевание, я смакую чувства тепла, разливающегося по грудной клетке. Когда у меня еще будет такая возможность? Хотя бы на пару часов вспомнить, какой жизнью живут Элита? Что такое – иметь все, и хоть на мгновение избавиться от их снисходительных взглядов? Конечно, с выбором наряда на свидание будут большие проблемы.

Наверное, мне просто захотелось сказки, как и любой девочке. Моей любимой всегда была «Золушка». Ненавижу тот момент, когда часы отбивают полночь и карета превращается в тыкву. Завтра мне предстоит повторить «триумф» Золушки.

Ловлю себя на мысли, что улыбаюсь уже минут пять, направляясь к старенькой автобусной остановке, оставленной в аэропорту, для таких, как я. Самый дешевый способ добраться до города.

Перед тем, как выйти за пределы аэропорта, бросаю беглый взгляд на световой экран, под куполом здания, услышав встревоженный шепоток в толпе людей.

Сердце болезненно сжимается, чемодан падает куда-то под ноги, когда я замираю на месте, уставившись в проклятый экран, сообщающий мне не самую приятную новость.

Ужасную новость, в которую невозможно поверить. Я знаю, что последние пять лет Руфус находился в коме, и не подавал признаков жизни, но в глубине души я всегда надеялась...

В конце концов, двадцать первый век. Я думала, что ученые рано или поздно разгадают все тайны сердца и мозга, и разбудят Руфуса. Но этого не произошло...

Слезы обжигают щеки и губы, пока я всматриваюсь в родное лицо своего опекуна, спасителя моей жизни, и просто замечательного человека, которого я любила.

«Великий ученый скончался – большая потеря для всей страны и человечества.» – Одними губами читаю я, и прячу лицо в ладонях, испытывая лишь одно острое желание: попрощаться с ним.

Глава 2

Макколэй

Он умер.

Человек, которого я ненавидел всем своим существом, превратился в горсть пепла. Я не говорю «сердцем», потому что вы под этим словом будете подразумевать душу, а я – лишь полный мышечный орган, который перекачивает пять литров крови по венам за одну минуту. Хотя, в моем организме, даже сердце работает быстрее, и за это я могу сказать «спасибо» только своему безумному папочке.

Мир запомнит Руфуса Карлайла, как одного из самых выдающихся ученых двадцать первого века и владельца многомиллиардной Империи «AUM Corp», которую основал мой прадедушка. Как человека, который подарил миру вакцины от самых страшных болезней современности, как блестящего биотехнолога, физика, клинического психолога, специалиста по геномной инженерии, и просто добродетеля, регулярно пополнявшего некоторые забытые миром благотворительные фонды, направленные на то, чтобы сохранять природные ресурсы человечества.

О да, мой больной на голову отец был жутким лицемером. Это так мило с его стороны – жертвовать миллионы долларов на защиту природы, производить биотопливо, тем самым имитируя бурную деятельность на благо всего человечества. Есть только одно маленькое «но» – одному Богу известно, какую игру с человеческими жизнями затеял Руфус в своей секретной лаборатории, где я провел несколько лет.

Я давно перестал быть «подопытным кроликом», но мой ненормальный папаша сделал все, чтобы я продолжал решать его головоломки, находясь на грани между жизнью и смертью, даже после того, как его тело превратилось в прах.

Еще одним лицемерным поступком было сделать меня таким... неправильным, чертовски отвратительным самому себе. Создать меня таким было его прихотью, одним из маниакальных желаний, какими жил мой отец. И вместо того, чтобы радоваться своему безупречно удавшемуся эксперименту, любить одно из главных открытий и достижений в своей жизни... он меня ненавидел. Каждый раз, когда я смотрел в его синие глаза, скрытые за очками-половинками, я видел в них лишь презрение. Отчуждение. Злобу. Словно сам факт моего существования был ему отвратителен. Конечно, бывали моменты, когда он смотрел на меня с интересом – примерно так же, как безумный ученый смотрит на свою любимую лабораторную крысу, которую ему предстоит помучить.

Со дня операции, он больше никогда не называл меня сыном.

И сейчас, когда я стою у мраморной плиты, под которой лежат стертые в пыль его кости и плоть, я... все равно борюсь с обжигающим комом, вставшим поперек горла, и жутким эхом, бьющим по напряженным нервам «твой отец мертв».

Твоего Создателя больше нет.

Завтрашнего дня для меня теперь – не существует. И даже мой мозг, способный изучить любой новый язык за три часа, не способен пока осознать, что теперь произойдет со мной.

Я говорю «осознать», потому что это действительно так. «Осознать» и «знать», чувствуете разницу? Я знаю, что я умру. Счет идет не на годы, а на месяцы. Судя по несложным расчетам, без крошечных серебряных таблеток я проживу еще десять месяцев, двадцать один день, пятнадцать часов, две минуты, и тридцать семь секунд... секундой меньше, секундой больше. Допустим, благодаря периодическому всплеску адреналина, дофамина, дофамина и других гормонов в крови, мне удастся увеличить срок своей жизни на месяц, может на два. Таблетки вызывают внутри особое состояние, мощный гормональный всплеск, позволяющий

сначала сбросить ежесекундное напряжение в голове, а потом простимулировать работу мозга. Если быть кратким, встроенный отцом чип внутри меня – это инородное тело, и срок его приживаемости составляет около тридцати лет... и если это дурацкое изобретение Руфуса не приживется, я буду долго и мучительно «разваливаться». В лучшем случае – медленно сходить с ума, в худшем – резко вернуться на тот уровень развития, какой имел на момент операции.

Я знаю, что я умру. Теперь и вы это знаете. И вы можете закрыть этот дневник, потому что вряд ли захотите читать историю, изначально зная, что главный герой подойдет на последней странице.

Но я не могу осознать факт своей скорой смерти. Как и любому человеку, мне не чужды первородные инстинкты, вбитые под кожу, прописанные в генах, заложенные в информационное поле, которое помещено в мое тело, что все называют «душой». И во мне, как и в любом из вас, до последнего вдоха будет жить самый важный инстинкт, который каждый человек чувствует еще до рождения, до того, как он выйдет из теплой материнской утробы в грешный и страшный, полный грязи и демонов мир – инстинкт самосохранения.

И поэтому, если вы все еще думаете, что я буду считать дни до своей смерти, вы очень сильно заблуждаетесь. Не скажу, что я буду бороться. Я буду идти к своей цели, выполнять программу спасения, запущенную мозгом. И пока я не знаю способ, как победить свою смерть, и до конца не верю, благодаря вышеупомянутому инстинкту, что умру без таблеток, но, по крайней мере, у меня есть план, который непременно приведет меня к главной цели.

К сожалению, «ключ» к моему выживанию, находится не у меня. Он находится у нее.

Лучше бы я стер ее из памяти. Лучше бы не знал, что для меня еще есть выход и считал бы дни до момента остановки сердца. Это было бы человечно по отношению к ней, но благо, что я скептически отношусь к человеческим страданиям и разбитым женским сердцам. Она переживет небольшую игру, в которую я собираюсь с ней сыграть. В итоге, каждый из нас получит то, что хочет: она – свободу, а я – жизнь.

Неприятен лишь тот факт, что я пока не знаю правил игры, потому что установил их не я, а мой покойный отец, за полчаса до смерти вышедший из комы. Врачи сказали, что он был не в себе, его пульс зашкаливал, и все, что он едва слышно произнес, разобрали с трудом:

«Найди Энигму. Позаботься о ней. Защити ее. Она – особенная. Она – ключ к тому, что тебе нужно.»

А потом Руфус просто шептал мое и ее настоящее имя. Макколэй и Кэндис. Кэндис и Макколэй. До тех пор, пока его сердце не остановилось.

Если бы это все не записали на видео, я бы не поверил.

Как это понимать? Предсмертный бред сумасшедшего или большое желание защитить свою ненаглядную лжедочку? Потому что я пока понятия не имею, как эта девчонка может быть мне полезна. Девчонка, которую мой отец воспитал, как родную дочь, в то время как ко мне относился, как к лабораторной крысе.

Я знаю, вам пока непросто понять, чем таким я «болен», учитывая то, что к середине двадцать первого века, лекарства от всех болезней современности стали доступны всем участникам Элиты. Изготовление вакцины – это всегда вопрос времени и денег. Все в нашем мире вопрос времени и денег.

И если сейчас, хоть от одного из вас, я бы услышал такие слова, как «любовь», «дружба», «привязанность», «уважение», «поддержка», я бы рассмеялся вам в лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.